

Эния долго и задумчиво бродил по кухне. Он приготовил гору булочек с копченостями и сэндвичей с беконом и овощами для всех, а затем заварил большой чайник сладкого чая.

Стоило ему расставить всё на столе, как Тони, выдержав идеальную паузу, неспешно спустился вниз. Он наполнил свою керамическую чашку чаем и блаженно прикрыл глаза:

— Ах, какой аромат, просто дух захватывает. Возможно, я скоро совсем завяжу с кофе. По сравнению с этой горькой бурдой, вот он — настоящий источник жизненных сил. Эния, готовь такой чай почаще.

Тони поднял чашку и словно только сейчас заметил остальных:

— О, вы все здесь?

«Играй, давай, играй дальше, — подумал Эния. — Делаешь вид, будто Джарвис не доложил тебе о нашем приходе».

Все молча пили чай, не желая подыгрывать его маскарადу. Тони с горящими глазами уставился на гору еды.

— Эния, это мне?

Бартон вытаращил глаза, пораженный такой наглостью:

— Разумеется, это нам! Ишь, размечтался! — он уже вовсю уплетал сэндвич, опасаясь, что дьявол во плоти отнимет его порцию.

Эния беспомощно улыбнулся:

— Нет. Это для всех. Но твою порцию я отложил отдельно, сейчас принесу.

Он вернулся на кухню, достал поднос, на котором лежали сэндвичи, лепешки с начинкой из красной фасоли и небольшая пиала с нежно-желтым десертом, политым карамельным соусом. Он поставил угощение перед Тони.

Все присутствующие молча уставились на эту дополнительную порцию.

— Ты ведь тоже хочешь сказать, что это... особое отношение? — нарушила тишину Наташа.

Бартон поднял взгляд на Энию:

— Что это за вкуснятина, Эния? Так нечестно!

— Это китайский десерт, шуанпинай. Его довольно сложно готовить, а яйца закончились, так что вышло только две порции. Вторая осталась... если хочешь, можешь забрать, просто на всех не хватило, поэтому я и не стал делать больше.

— Но для него-то ты сделал!

— Ну... — Эния попытался сменить тему. — В следующий раз я приготовлю для всех. В Китае столько восхитительных сладостей.

— О, нежный, насыщенный, отличный вкус, мне нравится. В следующий раз приготовь мне такой на ночной перекус, — Тони уже орудовал ложкой.

Бартон построил такую умоляющую физиономию, что Эния, мысленно вытирая пот со лба, принес ему ту самую порцию, которую приберег для себя в холодильнике.

— Эй, Бартон, не вздумай хомячить в одиночку, давайте по ложечке попробуем.

— Вы меня заинтриговали.

Кто-то рядом снова не удержался от колкости:

— Ц-ц-ц, от одной ложечки вам захочется еще больше, ведь еда Энии такая вкусная.

— Бейте его.

— Грабь его.

— Обезьяна.

Наблюдая, как Тони, намеренно провоцировавший остальных, попал под раздачу, Эния тихо удалился на кухню, не желая участвовать в этой войне за десерты.

К вечеру багровые закатные облака рассеялись, и небо укуталось в серые сумерки. Остальные разошлись по домам, а Эния решил попросить Тони помочь вычислить того, кто распускает о нем слухи в сети.

Он постучал в дверь лаборатории, и лишь спустя долгое время Тони открыл дверь. Он был весь в пятнах машинного масла и следах работы.

— Что случилось? Что-то нужно?

— Можно попросить Джарвиса об одолжении?

— Хм? В любом случае, заходи.

Тони отошел в сторону, пропуская его внутрь. Комната выглядела... неописуемо. Горы непонятных механизмов, хаотично разбросанные материалы — все было свалено в кучу.

Раздался вежливый голос Джарвиса:

— Мистер Эния, буду рад помочь вам. Что вас беспокоит?

Эния украдкой взглянул на Тони, но тот поймал его взгляд. Эния поспешно отвел глаза и заговорил, обращаясь в пустоту:

— На самом деле, сегодня в школе у меня возникли неприятности.

Эния хотел поговорить с Джарвисом, но не понимал, где именно тот находится, поэтому снова перевел взгляд на Тони:

— Кто-то в школьном форуме распускает обо мне слухи, причем довольно гнусного содержания. Друзья сказали, что это пост на форуме. Я не силен в таких вещах, поэтому хотел спросить, может ли Джарвис выяснить, кто это сделал. Слухи распространяются очень быстро, и одного моего опровержения будет недостаточно — нужно найти этого человека и заставить его признаться во лжи. Но у меня нет ни единой догадки, ведь я ни с кем особо не общаюсь и не представляю, кому это нужно.

— Джарвис, проверь.

— Слушаюсь, сэр.

Через мгновение перед ними возник голографический экран.

— Посты опубликованы пользователями по имени Райсон Моррисон и Хьюи Листер. Листер — однокурсник мистера Энии, а Моррисон учится на другом факультете, но на том же курсе. После поступления оба вступили в фотокружок. Моррисон также учился с мистером Энией в одной старшей школе, — Джарвис вывел на экран их фотографии и личные данные.

Эния посмотрел на мужчину на фото, лицо показалось ему до боли знакомым. Внезапно он все вспомнил.

— Ах, этот Моррисон... кажется, я его помню.

— Что? — Тони нахмурился. — Ты можешь припомнить, были ли у вас какие-то конфликты?

Эния вдруг отвел глаза, словно чувствуя за собой вину, и не захотел продолжать:

— Тони, я сам разберусь с этим. Кажется, я понял, в чем дело. Спасибо тебе и Джарвису за помощь.

— Не стоит благодарности, мистер Эния.

Тони не видел лица Энии, и ему стало не по себе.

— Почему ты вдруг перестал смотреть на меня? Если не сможешь справиться сам — обязательно скажи мне, понял? Что бы ни случилось, не бойся.

Сердце Энии вдруг бешено заколотилось — совсем не вовремя. Тони внезапно протянул руку и приобнял его за плечи.

— Э-э, слушай...

Ты слишком близко!

Мужчина смотрел на его пушистую макушку. Эния поспешно пробормотал:

— Правда, спасибо тебе. Я пойду вниз.

И поспешно выскользнул из лаборатории. Тони остался стоять в комнате, озадаченно глядя ему вслед.

Эния застыл у лестницы, погрузившись в оцепенение, а затем в полузабытии побрел к себе в комнату. Он плеснул в лицо холодной водой — ледяная свежесть немного остудила пылающую кожу, и он с облегчением выдохнул. В этот момент он увидел свое отражение в зеркале: затуманенный взгляд, ярко-розовые щеки, шея и уши. Казалось, внутри него зашевелилось какое-то странное желание.

Он вздрогнул. Неужели он только что выглядел так перед Тони? Он уже давно не краснел — его спокойный, мягкий характер обычно не допускал таких приливов крови. Но нынешнее

состояние пугало его. Он никогда не чувствовал себя так, будто что-то внутри него насильно меняется. Что это за перемены? Он чувствовал тревогу.

У того Моррисона было очень знакомое лицо.

В старших классах Эния учился в школе-интернате далеко от дома. Это была ближайшая школа с полным пансионом, и Эния использовал это как повод, чтобы не ездить домой слишком часто. После перерождения в этом мире он постепенно отходил от тьмы прошлой жизни и не стремился заводить близкие отношения, хотя и не хотел быть полным изгоем.

В той школе был учитель, который систематически домогался учеников. Эния, не проявлявший особого рвения к общению, часто ходил один. Извращенец заметил его и однажды заманил в закрытый класс. Эния разбил ему голову и чуть не лишил возможности иметь детей. Он никогда не был мягким и покладистым — просто никто не знал его настоящего, холодного и жесткого.

Эта история получила огласку, но школа замяла дело в обмен на полное освобождение Энии от оплаты обучения. Эния тогда решил, что не может позволить себе капризы: он хотел закончить школу и не хотел доставлять проблем приемному отцу, да и найти другое хорошее заведение было не на что.

Однако слухи просочились наружу. Хотя школа гудела о домогательствах учителя, все прекрасно понимали, что жертвой был он. В сущности, ему было плевать, но он совсем не хотел, чтобы Тони узнал об этом.

На следующее утро Тони за завтраком наблюдал за суетящимся на кухне Энией и столом, заставленным едой.

— Эния... этого не слишком много?

— М? — Эния выглянул из кухни. — Сегодня много вкусного, ты рад?

— Рад? Конечно рад! Что это всё такое?

Эния наблюдал, как мужчина усердно ест. Блестящие от восторга глаза, удовлетворенно приподнятые брови... Эния спрятался на кухне, едва заметно улыбнувшись. «Такой способ отвлечь внимание должен сработать», — подумал он.

Эния вынес последнюю тарелку и поставил перед Тони.

— Ты не будешь?

— Я перекусил, пока готовил. Сегодня рано занятия, я пойду.

Тони смотрел, как мальчик с рюкзаком уходит, а потом опустил взгляд на гору еды перед собой. Что-то здесь не так. Почти час у него ушел на то, чтобы неспешно доесть всё до последней крошки. Он громко икнул, погладил свой округлившийся живот и подумал: он что, решил меня закормить до смерти? Так вот что значит сладкое бремя?

На самом деле, пар сегодня почти не было. Он так рано пришел в школу, чтобы поскорее разобраться с Моррисоном и не волновать Тони.

Увидев его, мужчина вздрогнул и хотел было уйти.

Эния молча последовал за ним:

— Моррисон, хватит. Давай поговорим.

Стоя за спиной мужчины, Эния заговорил сам:

— Я помню, кто ты.

Моррисон остановился. Он помедлил, медленно обернулся и с насмешливой улыбкой произнес:

— А я думал, ты давно обо мне забыл.

— Все давно прошло. Зачем заниматься такой бессмыслицей?

— Я просто хотел разрушить твоё безразличие.

Он вдруг рассмеялся:

— Иди за мной, я расскажу тебе всё.

Эния пристально посмотрел на него пару секунд и тоже улыбнулся:

— Хорошо.

— Тут тесно, смотреть не на что, садись куда хочешь.

Это была крошечная съемная комнатуха, заваленная всяким хламом. Эния сел на стул, а Моррисон — на свою кровать.

— Ты знаешь, что у того учителя была привычка коллекционировать фотографии?

Эния знал, о ком речь, но промолчал.

— Ты был не первой жертвой, но стал последней. Я не знаю, как сильно я тебе завидовал: ты всегда выглядел так, будто тебе плевать на всю эту грязь, ты жил своей жизнью. С тех пор я тебя возненавидел. Фотографии лежали в ящике стола, этот поддоник даже не удосужился их спрятать! Кто-то из учеников увидел мои фото, и я понял: нельзя допустить, чтобы это всплыло. Я придумал отличный план. Достаточно было сделать так, чтобы вся школа обсуждала другого пострадавшего, чтобы ты стал центром внимания вместо меня, и тогда я был бы в безопасности. Гениально, правда? Ты ведь всегда был таким холодным, тебе было все равно, даже когда вся школа тебя бойкотировала. Ты и правда жил как ни в чем не бывало. Когда я слил твои фото, поначалу меня грызла совесть, но ты не отреагировал. Тебя обсуждали все, а тебе было плевать. Мне было так страшно, почему ты был таким спокойным? Так не должно было быть.

Эния холодно смотрел на него, в его глазах не было ни капли лишних эмоций.

— Моррисон, ты закончил? Теперь моя очередь. Ты никогда не ненавидел меня. Ты боялся. Ты считал, что мы в одной лодке, но я оказался хуже тебя, а мне повезло больше, поэтому, глядя на меня, ты чувствовал зависть. Ты боялся за себя и толкнул меня под удар. Тогда я не винил тебя, я простил, потому что в тот год ты был таким же страдающим ребенком. Но сейчас ты хочешь, чтобы меня выгнали из университета! А Листер? Почему ты втянул его?

Моррисон опустил голову. Простил? Он сказал, что простил? Хотя он так его ненавидел.

— Расскажи про Листера.

— Он сказал мне, что видел, как ты выходил из красного спорткара вместе с богатым мужчиной.

Тони, слушавший это описание, почувствовал, что оно ему знакомо. Красный спорткар... Он был в ярости от услышанного, осознав, что стал невольной причиной нападок. Хотя это и было подло, но по поведению Энии он понял, что тот хочет решить всё сам. Однако он слишком волновался, поэтому тайком прикрепил к его рюкзаку маячок, чтобы успеть, если что-то случится. Он и не думал, что сейчас захочет кого-то убить...

После ухода Энии Моррисон долго сидел в тени. Он думал о прошлом, о настоящем. Когда Листер нашел его, он понял: всё кончено. Старый кошмар вернулся и лишил его рассудка. На самом деле он не верил, что Эния занимается чем-то грязным. Тот всегда был независимым, держался особняком, и грязь к нему почти не липла. Он не верил. Но откуда у Листера те старые фотографии?

Это было похоже на бесконечный кошмар. Неужели от этого не сбежать? Моррисон тоже так думал. Но... он сказал те слова. Что теперь делать?

Мужчина свернулся калачиком в углу, опустив голову. Все было ужасно. Раньше он подставил Энию из стыда, не желая, чтобы кто-то узнал, насколько он уродлив. А теперь он не мог вынести своего прошлого и того, что совершил ошибку, не дающую ему спать. К тому же, этот человек сказал ему... «простил»?

— Ха. — Он скривился в усмешке, уткнувшись лицом в колени, достал телефон, посмотрел на него и набрал номер.

— Алло? Кто это?

— ...

Через десять минут разговор был окончен. Человек отложил телефон и подошел к единственному окну. Он увидел свое отражение, погруженное в тень, и лишь один палец, освещенный косым лучом света. Но от этого маленького лучика ему показалось, что он сам вышел на солнце. Он всегда думал, что свет причинит ему боль, но на самом деле он мог идти куда угодно — только он сам решал, быть ли ему раненым.

Комната была забита пылью, в ней не было ничего светлого. Если он не хотел открывать то, что внутри, это означало, что он навсегда заперт в этой тьме. Мужчина посмотрел в окно: даже обычная улица, которую он считал убогой и грязной, оказалась полна жизни. В этом грязном городе росли деревья, солнце освещало каждое окно, летала пыль, облуплялась краска — всё было так обычно. Но он никогда не поднимал головы, не хотел верить, боялся смотреть.

Вернувшись, Эния не увидел никого в гостиной. Он зашел в комнату, задернул шторы, оставив лишь полоску тусклого света, и, раздевшись, вошел в ванную.

Эния опустил голову, позволяя теплой воде струиться по плечам. Моррисон больше не был главной проблемой, о нем не стоило беспокоиться. Эния погрузился в свои мысли и не услышал звуков снаружи.

Тони знал, что Эния вернулся. Он хотел увидеть его, даже если тот еще не был готов признаться самому себе в своих чувствах. У каждого есть темная сторона. Тони был проникательным человеком: он понимал, что это личное дело каждого. Даже при их близости он не мог требовать, чтобы Эния открыл ему душу, если тот сам не захочет. Но он не мог найти себе места.

— Эния, можно войти?

Ответа не последовало.

Эния оцепенело обернулся:

— Что ты сказал?

— Я всё знаю.

— Как ты...

Тони держал в руках чашку с водой:

— Знаю, это некрасиво с моей стороны, но на твоём рюкзаке был маленький маячок. Когда ты ушел, я почувствовал, что твои школьные дела — это не пустяки, и забеспокоился.

Тони сел на диван напротив. Он смотрел прямо на него, не давая Энии сбежать.

— Знаешь, что я чувствую, когда узнаю о том, что с тобой случилось? Я готов разнести в щепки тех, кто причинил тебе боль. Я могу прямо сейчас пойти и разобраться с ними. Но ты ведь наверняка скажешь, что справишься сам, что всё в порядке, что это неважно. Эния, я не хочу это слышать. С тех пор, как мы знакомы, разве ты не можешь мне доверять? Не отказывайся от моей помощи. Ты не только важный член Мстителей, ты — человек, которому я доверяю и которого хочу защитить.

<http://bllate.org/book/21717/2243979>